

Наследный принц Чэнь Гухуэй, заметив, что остальные удалились, внезапно изменился в лице. Его холодный, исполненный достоинства облик словно растаял, уступив место выражению легкой досады. Слегка нахмурившись, он произнес:

— Братец Цзюньюань, твое сегодняшнее выступление на плацу было слишком уж впечатляющим. По-моему, ты должен быть не просто первым в этом состязании, а наставником для всех остальных.

Услышав слова принца, Сыма Цзюньюань был крайне удивлен. Он вновь стал свидетелем того, как быстро меняется лицо наследника. Хотя им уже доводилось встречаться прежде, Сыма Цзюньюань всё еще не мог привыкнуть к тому, как тот сочетает в себе ледяную чопорность при людях и такую искренность наедине. Сейчас он застыл, словно изваяние, и в голове его была полная пустота.

Видя его замешательство, Чэнь Гухуэй чуть заметно улыбнулся уголками губ и продолжил:

— Братец Цзюньюань, знаешь ли ты, зачем я тебя позвал?

Сыма Цзюньюань словно очнулся от сна. Он поспешно сложил руки в приветственном жесте и почтительно ответил:

— Отвечаю Вашему Высочеству: полагаю, вы призвали меня, потому что раскрыли сегодняшние проделки Ли Цяньцян, ее воровство.

Сказав это, он в душе ощутил полный раздрай. Его терзали сомнения: зачем принцу обсуждать это с ним? Ведь они виделись всего лишь раз, и он никак не мог считаться доверенным лицом наследника. Почему принц решил посвятить в свои планы именно его? К тому же с Ли Цяньцян он был вовсе не знаком и не имел никаких дел. Если бы его вызвали для допроса, он все равно ничего не смог бы прояснить. В тот момент, когда его одолевали подозрения, Чэнь Гухуэй заметил:

— Разве я не говорил тебе в прошлый раз? Ты можешь называть меня Гу или Хуэй, или просто Гухуэй. Почему же братец Цзюньюань до сих пор величает меня Наследным принцем? Или Вашим Высочеству?

Сыма Цзюньюань уже долго спорил с принцем на эту тему в прошлый раз и сейчас не хотел снова упрямиться. Он выпрямил спину и с почтением произнес:

— Прошу, ваше высочество Гухуэй, изъясняйтесь яснее.

Чэнь Гухуэй не удержался и расхохотался — его звонкий смех эхом разнесся по безмолвному дворцу.

— Гухуэй — это Гухуэй, Высочество — это Высочество. Что еще за ваше высочество Гухуэй?

Принц надулся, как ребенок, и упрямо добавил:

— Если сегодня не назовешь меня просто Гухуэй, мы так и будем тут стоять и не перейдем к

делу.

Сыма Цзюньюань счел это лишь детской причудой двенадцатилетнего принца и, не имея иного выхода, уступил:

— Прошу, Гухуэй, изъясняйся яснее.

Услышав это, Чэнь Гухуэй остался доволен, и улыбка на его лице стала еще заметнее. Его ясные глаза блеснули лукавством, и он продолжил:

— Заместитель министра ритуалов — человек моего дядюшки. Я не хочу спугнуть змею, поэтому намерен притвориться, что лажу с ним. Братец Цзюньюань, мне многое неясно в этом деле, надеюсь, ты pomoжешь мне разобраться.

С этими словами Чэнь Гухуэй спрятал улыбку, изобразил на лице робость и глуповатость, а в его взгляде, обращенном к Сыма Цзюньюаню, смешались растерянность и ожидание.

В душе Сыма Цзюньюаня вновь сгустились тучи сомнений. С самой первой встречи этот принц никогда не следовал привычным правилам. Дядюшка, о котором упомянул наследник, — это ван Циян. Он младший брат нынешнего Императора, а его мать была законной супругой покойного императора. Во времена борьбы девяти принцев за трон ван Циян был еще ребенком семи лет, и чудом уцелел в той кровавой резне. Покойный император души не чаял в младшем сыне: перед смертью он даровал ему титул вана Цияна, наделил землями в богатом Цзяннане и позволил ему вместе с семьей матери обосноваться там.

Император Чэнь Сюаньгуан, выйдя победителем из той борьбы, щедро одаривал вана Цияна, чтобы заткнуть рты недовольным. Однако время шло, ван Циян перестал быть ребенком и ныне, будучи в расцвете сил, тайком начал собирать собственное войско. Отец перед отъездом со скорбным видом предупреждал Сыма Цзюньюаня, что амбиции вана Цияна очевидны и столкновение неизбежно. Все это знали, но вслух не произносили. К тому же, виделись они с принцем всего единожды. Почему же он так доверяет ему? Неужели он открыто рассказывает о своих мыслях по поводу ситуации в стране? Или это очередная проверка на прочность?

Сыма Цзюньюань знал, что, будучи воспитанным отцом в духе преданности государству, он обязан помочь. Поэтому, невзирая на мысли принца, он прямо ответил:

— Готов исполнить любое ваше приказание. — Осекшись, он поправился: — Готов исполнить любое приказание Гухуэя.

Чэнь Гухуэй был рад услышать, что его наконец-то назвали по имени, куда больше, чем готовности служить. Он сошел с места за письменным столом, подошел к Сыма Цзюньюаню, взял его за руку своей маленькой ладошкой и сказал:

— Братец Цзюньюань, пока мы вместе, я ничего не боюсь.

Сыма Цзюньюань деликатно высвободил руку, отвесил торжественный поклон и искренне

добавил:

— Гухуэй обладает глубокой прозорливостью, он видит то, что ускользает от меня. У него ум Чжугэ — это истинное счастье для Государства Чэнь.

Принц Чэнь Гухуэй слегка вскинул голову и лучезарно улыбнулся:

— Братец Цзюньюань, впредь наедине называй меня Гухуэй, и не смей величать себя подданным, говори просто — я, договорились? Впрочем, ничего не говори, так тому и быть. Сегодня уже поздно, не стану тебя больше задерживать. Увидимся завтра на занятиях в клане.

Сыма Цзюньюань поклонился и, медленно пятясь, вышел из дворца, а затем и из Императорского дворца.

Едва он покинул дворец, к нему поспешил Цинь Янь, сын заместителя генерала, служившего под началом его отца. Ныне Цинь Янь находился при нем в качестве слуги, но Сыма Цзюньюань знал: отец этого парня в армии занимался стратегическим планированием, и сын унаследовал его острый ум.

Сыма Цзюньюань сел в экипаж и по пути домой выложил Цинь Яню всё, что произошло за эти пару дней.

Цинь Янь нахмурился, задумался и, поглаживая подбородок, произнес:

— Похоже, принц прощупывает нас, проверяя, нет ли у нас связи с ваном Цияном. Молодой генерал, ваши ответы были безупречны. Как наставлял старый генерал, мы должны хранить верность императорской семье. Нынешний Император — правитель мудрый, принц тоже отличается высоким умом, а стабильность государства — благо для простого народа.

Сыма Цзюньюань в карете слегка кивнул:

— Я тоже считаю, что действия принца довольно странные, но раз уж мы выразили свою верность, остается лишь следить за развитием событий.

Взгляд Цинь Яня стал глубоким и тревожным:

— Молодой генерал, придворные дела переменчивы и непредсказуемы. Принц хоть и мал, но мыслит глубоко, нам нужно быть вдвойне осторожными. Тот ван Циян годами укреплялся в Цзяннане, его влияние пустило глубокие корни, нельзя недооценивать его.

Сыма Цзюньюань с серьезным видом ответил:

— Я понимаю, что стоит на кону. Возможно, принц хочет нас привлечь на свою сторону, а возможно, это лишь расставленная ловушка.

Цинь Янь добавил:

— Как бы то ни было, нам следует быть сдержанными в словах и поступках, чтобы не оказаться

втянутыми в бессмысленные раздоры.

Сыма Цзюньюань сжал кулаки и твердо произнес:

— Отец всегда учил меня ставить интересы государства превыше всего. Если я смогу внести свой вклад в укрепление власти, я не отступлю, каким бы опасным ни был путь.

Цинь Янь кивнул:

— Ваша решимость достойна восхищения, молодой генерал. Но нам следует подготовиться к любому исходу.

Сыма Цзюньюань тяжело вздохнул:

— Лишь бы ситуация прояснилась как можно скорее, чтобы не дать народу страдать.

Экипаж медленно ехал сквозь ночной мрак, стук колес по мостовой отчетливо отдавался в тишине улиц. Сыма Цзюньюань смотрел в окно на тьму, и мысли его были полны тревоги. Он понимал, что уже оказался в водовороте дворцовых интриг, и будущее скрыто за завесой неизвестности.

Вернувшись домой, Сыма Цзюньюань уединился в кабинете. Свет свечи подрагивал, освещая его погруженное в раздумья лицо. Он вспоминал встречу с принцем, снова и снова прокручивая каждую деталь. Каждое слово и каждый взгляд наследника, казалось, скрывали в себе скрытый смысл.

— Было ли это искреннее доверие или политическая уловка? — прошептал он сам себе.

В то же самое время принц Чэнь Гухуэй ворочался в постели в своих покоях. Он понимал, что его действия могут вызвать пересуды, но в этой жизни он твердо решил вместе с Сыма Цзюньюанем достичь высот, ведь знал: только там он сможет защитить Цзюньюаня.

— Сыма Цзюньюань, надеюсь, ты меня не разочаруешь, — думал он, глядя на полог кровати.

Ночь прошла без сна. Когда лучи рассвета озарили улицы Столицы, начался новый день, а вместе с ним тихо продолжилась борьба за власть при дворе.

<http://bllate.org/book/21887/2273099>